ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

* * *

Я на ближних не в обиде,
Я среди далеких рос.
В этом виде я Овидий,
Над строкой "Метаморфоз".

Или я бреду, как Данте
За Вергилием вослед.
Мне кричат: "В сторонку встаньте!
Там останьтесь, где вас нет!".

Как непросто в этом мире
Петь заставит тень свою!
То ли я бренчу на лире,
То ли лиру продаю…

Космонавты на орбите
Мне грозят из синевы:
"Вы огонь в себе уймите,
Дым идет из головы!".

Я уйду, и станет внятно,
Свет на самом деле бел.
Выгорят на солнце пятна
Там, где я на них глядел.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Солнце уходит вниз,
и синева вслед.
Вращенья земли каприз
с цветом сливает цвет.

Из далека в близь
поезд меня везёт.
Мгновенье, не торопись
скрыться за небосвод!

Поле, не уходи,
не исчезай, луг!
Где-нибудь впереди
ещё появитесь вдруг!

Ещё я не дожил день,
ещё сменить не готов
соломенный день деревень
на каменный век городов!

УДИВЛЕНИЕ

Я перешёл площадь
Недалеко от вокзала.
Меня заметила лошадь
И негромко заржала.

Я завернул во мраке
К каким-то длинным сараям,
Меня увидали собаки
И встретили громким лаем.

Потом загалдели птицы,
Как будто запели хором –
Встречайте гостя столицы,
Дай бог, чтоб он не был вором!

Затем я в метро спустился
И втиснулся в дверь вагона.
Никто мне не удивился.
Люди молчали синхронно.

Люди в подземном гаме,
В оцепенении странном
Постукивали ноготками
По еле зримым экранам.

И дальше эти сигналы,
Делая время короче,
Вбивали байты и баллы
В их же уши и очи.

Так люди сами с собою
Делили звуки и знаки,

И были горды судьбою
Даже в подземном мраке.

Я понял: решая задачи,
Каждый в своём промежутке,
Люди всё более зрячи,
И всё более чутки.

И знать им надо едва ли,
Как могут им удивиться –
Как их там называли? –
Кони, собаки и птицы.

РОМАНС

Глазами Тютчева и Фета
Случайно я тебя узрел,
И вот уже ты мной воспета
Среди иных небесных тел.

О, ты была мечтой поэта
И мой был ненасытен взгляд
Но ты ни Тютчева, ни Фета
Не принимала за формат.

А так как я был рядом с ними,
Или не рядом – наряду,
Мое лирическое имя
Ты забывала на ходу.

Теперь тебя я вижу редко,
Лишь вспоминаю между дел,
Моя нитютчевка-нифетка,
О как же я тебя хотел!..

ЧУДО

Вот ведь какое чудо,
прямо-таки беда:
ждали чуда отсюда,
а чудо пришло сюда.

Ждали его в понедельник,
а чудо пришло в четверг,
думали – вспыхнет ельник,
ан березняк померк!

Думали, что не худо
ему указать на дверь,
но чудо на то и чудо,
чтоб длиться здесь и теперь.
И на уста чуду
не наложить печать.
Одно остаётся люду –
чуда не замечать.

Лицо отворачивать, если
оно промелькнёт во тьме.
Воистину, до чудес ли,
коль всяк себе на уме...

ЛЮБОВНАЯ ДРАМА

Её он любит, только он – не тот,
Ведь он в любви
не смыслит ни блина,
И потому в другого влюблена,
Она с ним половую жизнь ведёт.

Вячеслав КУПРИЯНОВ — Удивление

И тот, кому она ещё жена,
Он был бы рад потребовать развод,
Но медлит, уяснив, что заберёт
Машину с дачей у него она.

Тем временем достойный антипод
Узнав, что ожидается приплод,
Твердит, что это не его вина.

А муж рогатый, грозный от вина,
Уже с ножом готовится в поход,
Но здесь реклама будет включена.

* * *

Русь, ты шла на простор,
Ветер неся с собой.
Дует с окрестных гор.
С моря грозит прибой.

С севера тянет льдом,
Юг запасает зной.
Кажется, крепок дом,
Вставший такой ценой.

Кто затаился в лесу?
В городе кто засел?
Держится на весу
Над пропастью наш предел.

Кажется, всё нипочём,
Дремлет народ лихой.
Где же Илья с мечом?
Где Микула с сохой?

Будто в пестром бреду
Те, кто вечно в гостях,
У живых на виду
Пляшут на наших костях.

И что-то тонет в душе,
Вписанной в этот край,
То как Ермак в Иртыше,
То как в Урале Чапай.

* * *

Что мы нынче кличем благом?
О каких победах петь?
Снова хочется варягам
Смутной Русью володеть.
Ход истории изведав,
Вновь дробится русский стан
На дреговичей, венедов,
На радимичей, древлян.

Снова чудятся набеги,
Степь от полчища в пыли.
Половцы и печенеги
Выползли из-под земли.
Неразумные хазары
И расчётливый вестгот
Нам накаркивают кары
И готовятся в поход.
Попирают злые гунны
Свет религий и наук,
В тетиву свивают струны,
Лиру стягивают в лук.

Мы кричим в ответ: "Не надо!
Мы же не идём на вы!
Нам вполне хватает ада
Петербурга и Москвы!".

ВЕЩЬ – 1

Вещь стремится присвоить вещь,
Прикарманить, приобрести.
Ненасытна чадящая пещь
И зудящая плоть горсти.

Мимо дома проходит гость,
Мимо звёзд глядит телескоп.
И накапливается злость
В закоулках пустых утроб.

И чем больше вещи растут,
Тем объёмнее те места,
Где любовь переходит в блуд,
И плодит нищету нищета.

А когда начнётся распад
В царстве тления и золы,
Вещи мрачно заверещат,
Забиваясь в свои углы.

И заплачет тот, кто богат,
И сойдёт с ума, тот кто скуп:
Всё покроет чёрный квадрат,
Пустоту возводящий в куб.

ВЕЩЬ – 2

Человек поёт и плачет,
тишина ему в ответ.
Слово ничего не значит –
сокрушается поэт.

Да причём здесь, право, слово,
если главное – дела!
Ловкость рук – и вещь готова,
вот и по рукам пошла.

Вещь присваивает имя,
принимает внешний вид,
вещь соседствует с одними,
а другим вещам вредит.
И теперь её забота
по себе искать господ.
Получает знак почета,
кто её приобретёт.

Вещь преподаёт науки,
раздаёт права на труд,
и её мечты и звуки
люди музыкой зовут.

Весь эфир о ней судачит,
вещь собою застит свет.
Человек поёт и плачет,
дикий гвалт ему в ответ.

* * *

Приятно жить в родной стране
Среди забытого народа,
И боли чувствовать в спине,
Когда меняется погода

От зноя летнего к дождю,
От потепления к морозу,
От императора к вождю,
И от пророчества к прогнозу.

И жить ещё в чужом краю
Среди уверенного люда,
Где думу думают свою,
Когда исчезнешь ты оттуда.

И жить потом на небесах,
Которым я и ныне внемлю,
Где ангел, стоя на часах,
Следит:
не смотришь ли на Землю…

ИДИОТСКАЯ ПЕСНЯ

Позабыло про звёзды небо ль,
Ускользнула из моря рыба ль –
Не спешат идиоты в небыль,
Идиоты приносят прибыль.

То ли рифмам меня не жалко,
То ль иссякли все поговорки,
Привязалась эта считалка
К неглубокой моей подкорке.

Идиоты в купле-продаже
Превышают любые квоты,
Идиоты в кубе и даже
Заурядные идиоты.

Всё для них, и моды и оды,
Эти подиумы и эстрады,
Чипы, ролики и штрих-коды,
Поп-концерты и хит-парады!

На столе не хватает хлеба ль,
Умыкнула все звёзды рыба ль…
Не спешат идиоты в небыль,
Идиоты приносят прибыль!

* * *

Вновь на моём веку
Тучами застит выси.
То ли болит в Баку,
То ли свербит в Тбилиси.

В словарный ушли туман
Каракум и Кызыл-Орда.
Из Москвы в Ереван
Уже не идут поезда.
То ли сбылась мечта,
И нет никакой мечты.
Как будто Алма-Ата
Ближе, чем Алматы.

И то ли требует Таллинн
В духе всех перемен
Слово – "товарищ Сталин"
Писать с удвоенным "н".

ЛИЦЕДЕЙСТВО

А что увидит в нас невежда,
оценивая наш костюм?
Лишь там, где кончилась одежда,
царит лицо и брезжит ум.

Здесь в заключительном аккорде
творенье высоту нашло:
лицо пришло на смену морде,
но – повернулось и ушло!

Язык умеет только якать,
на ум пытаясь намекать.
Глаза привыкли лгать и плакать,
а рот – кривиться и алкать.

Как сито чепухи и чуши,
не слыша бурь, не чуя гроз,
торчат натруженные уши
и держится по ветру нос.

В ухмылке хам таит химеру,
и по зубам презренье бьёт.
Лицо, ушедшее в пещеру,
лицо, упавшее в живот.

Лицо, где шрам лежит на шраме,
как бы разящее с плеча.
Лицо, как бы в оконной раме,
где еле теплится свеча.

Но верится, ещё немного,
не только в Сыне и Отце,
но промелькнёт виденье Бога
в приостановленном лице!

* * *

Да, таких, как я, на белом свете
Если посчитать, то единицы.
Видели мой профиль на монете?
Обо мне толкуют небылицы.

Я познал житейские вершины
И теологические суммы.
Я хотел вложить в мои терцины
Сердце возвышающие думы?

Я легко беседовал с богами,
Мне прилежно боги отвечали.
И мечтал я о прекрасной даме
С вечно изумлёнными очами.

И теперь в подземном переходе,
Я стою, как нищий, перед вами,
Там, где вы, одетые по моде,
Таете в подземной панораме.

Вы бредёте, в высшее не веря,
На меня с презрением взирая.
О, подайте Данте Алигьери,
Он в аду расскажет вам о рае!

* * *

На светлом и старом ситце
в сиреневых перьях птицы,
придуманные цветы,
ритмическою нагрузкой
при комнатном свете тусклом
хранимые для мечты.

…За шторами час не летний
летит, и глядит наследник,
что видел уже давно:

в гостях у родителей мамы
был вечер, и этот самый
рисунок на всё окно.

* * *

Среди холодной пустоты
материи немного,
звезда, гуляя до звезды,
мчит безконечно долго,

не достигая... Вопреки
толковникам и счёту
очам достаточно близки
висящие высоты

песков, сияющих вокруг
знакомой нам пылинки.
Однажды радостный недуг
охватит, и с овчинку

покажет зримое небес,
меняя сводки чисел.
И будет слова равный вес
созвездьям нескольким,
и есть
миры любимой мысли.

* * *

Полуночь. От воды отсвет города,
синь незыбкая в нитках огней,
и кому-нибудь зелено-молодо
на автобусном видеть окне

очертания сооружения:
за плотиной высокий разлив,
и точёные тьмою растения
над водою… И не доучив

всю тетрадку заботы и знания,
отвлекается тысячу лет…
На рассвете меня ждут экзамены.
Медлит или торопит рассвет?

* * *

Крылом немого облака
примятые леса
лелеет не для ропота
России полоса.

Она рекою каменной
к домашним берегам
маршрут опять неправильный
рассказывает нам.

За пасмурными ставнями
гуляет магистраль,
и наша вновь прославлена
надмирная печаль.

* * *

Лебеди, Лошади, Корабли –
символы неба, воды и земли,
каждое – небо, вода и земля;
лошадь – часть лебедя и корабля;

лебеди – часть кораблей, лошадей,
вместе по небу, земле и воде,
все на земле, на воде и небе,
корабль – это лошадь и это лебедь.

* * *

Светит луна давно,
к ней мотыльки в окно
бьют свои крылышки
жалобной силушкой.

Ныне тревожно мне
в том же ночном огне
О, как не хочется
к Вечности кончиться.

Я отворю стекло,
стрясу в ночное тепло
всех насекомых,
в уплату искомому.

* * *

Корабли, облачась убрусами
в осьмознаменных парусах,
мокрым ветром о снасти русые
исповедались, и роса
многоликая, многолюбая
не сходила с воздушных трав;
и скимены озябли за шубами,
и драконы не выдали глав.

На столы домостроев обильные
выше купли и снов легла
книга искренняя Голубиная,
неисписанных два крыла.

РАДУГА

Кура бродит по дождю рыжей шапкой,
топчет длинную траву
нервной лапкой.

Были помыслы вчера ядовиты,
каменели на корню, и зарыты
их сады и города в брюхо неба,
в дыры звёздных одеял –
каждый стебель.

И ледащему борцу мало мира,
я болею далеко гулкой лирой,
нелюбимую струну объявляю,
возле курицы осенней гуляю.

А на пасмурной горе – локти в тучу –
блещет чудный семицвет –
умный, лучший.

* * *

Сердце не сломается,
слово не замрёт,
начиная правильце
про святой народ.

Нелегко поверится:
красота людей
на гремучих мельницах,
на сквозной воде

для победы помнится,
для иного дня.

И жива покойница
радость у меня.

* * *

За окошком – полочкой
тонко, сгоряча
в слюдяную корочку
заросла свеча.

На кривых растениях
трещинками дня
брызжет невечерняя
капелька огня.

Греясь домовиною
неопрятных сил,
очи вечной глиною
залепляя, жил…

С новою рубахою
мелко вознесён,
крашеными плахами
крепко окружён…

В ледяное морочье
ни о чём молча,
на "живые помочи"
отошла свеча.

КРЕСТ

Возле воздуха явный рисунок,
в яме сердца открытая сцена,
пуповина земли в узел умно
словом связана осуществленно.

И, переча пророчествам милым,
территория на самокате
наблюдает, как лучшая сила
измеряется суммой проклятий.

Над землёй, перечёркнутой небом,
Он схватил их на точке разлома –
удержать. И пружинкою в ребрах
так держать их Святому Нагому
до последних пытаемых звуков
той же книги, до мира иного
смертью пишется Тау-буква,
а читается жизнью снова.

А потом с невидимым рыданием
кожей толстой прячется мечта:
нет во мне знакомого скота.
Есть зари знакомое внимание.

* * *

Тихий час. На этом свете
иногда не будет нас;
королевичами в нетях,
непохожий пересказ
сочиняя, совершаем,
до забывчивости ждём,
на земном о лунном шаре
вместе с этим круглым днём
для огласки, до одышки
собирается мечта…

Птичьи чистые подмышки
блещут в марте тут и там,

Вячеслав КОРКОДИНОВ — По числу чистокрылых стратигов

ЛАДОГА

Ладога – за толстыми странами
корень подснежной страны.
И невеста Настасья Ивановна,
проживая до новой войны,
шьёт подвенечные саваны
женихам небывалой жены.

Ворон серебряный крякает,
рядом мороженый лай,
между лесостепными бараками
новогодние лампы… Играй
мясоедное: свадебки с драками.
Скоро самое белое – Рай.

ОЗИМЬ

Русый бурьян на плешивых сугробах
бросил вихры изо всех солнцепёков.
В воздухе пьяном,
не очень подробно
сеются света горячие строки;
даже трава, по-весеннему ломко,
важно копает наземную кромку.

Тихо щербатые тают волокна
крытых задворен, заборов и срубов,
дырами дышат раскосые окна,
сушат усталые веки над шубой
куцею мятого скорого снега,
словно трепещет телесная нега…

Ветхие дёрны, погосты немые,
чёрные земли толкуют разлуку,
а за стернёй позабытой зимы их
вновь облака,
пенясь солнечным туком,
сытно заполнили талую небыль
кручей горячего белого хлеба.

* * *

Натолкнулись две скорости,
два беглеца:
избегая удара о стены лица,
поздно мечется честная мошка,
сочиняя за оком окошко,

находя в нём пространство и воздух,
видя свет, согревающий влагу,
мчится искренняя на угрозу,
не объятая лишней отвагой…

Жизнь в пределах погрешности:
на дурачка,
ради крыльев убитая возле зрачка,
ждёт, оплаканная понарошку, –
с улицы поглядеть за окошко…

* * *

Слушая народных исполнителей
дух мой утомительно борим
нежностью и ненавистью к ним,
мне чужим и сродным удивительно.

А ещё не два, да ой ли, сокола
а и вылетали из Царя –
а ещё да города высокого.
Там на море плавала заря.

Надобно ли моря – вдруг сиропится,
в гул и крик на восемь тысяч лет
соколы летают, есть иль нет
моего желания особица.

пляшут на весах весенних,
чьим делам Господь нашёл
бытия достойный ценник.
Значит, в мире – Хорошо –
существует, пребывает,
и над миром тоже есть.
Небольшими божествами
иногда мы были здесь.

* * *

На порогах Парижа и Праги
русые корабли ищут бусых:
продирается генная драга,
в узелки вяжет прежние русла,
сочиняя за вкусной работой
новые города и народы…
Стынет тряское Козье болото,
подводя под пустые ворота
златоверхого Киева драку
своевременных веку монголов;
янычары спивают гиляку,
Франкенштейн называется Голый.
Пограничные семьи, болея
собирательной музыки бранью,
самодельного ангела клеят,
с ясным и кровожадным стараньем;
ангел тешится, в лапах с паршою
карта древняя интерактивна:
Змиеву вспоминая пещору
Вий согласен понянчить Краину.
Мощь союзную псов и драконов
славят за морем хищные птицы:
от охоты той – горестным стоном
им насытиться – сотни лет снится.
Карнавал отреченного духа
с отщепенцами русского мира
для библейски-военного слуха
прибавлять гадаринского жира,
потакая свободной потраве,
забывая родство золотое,
волей дряни дал волю Варавве,
а Любви – смерть отмерил крестову.
Семь по десять живущих народов
по числу чистокрылых стратигов
наблюдают за вечной погодой…
Прочие ж – от лукавого игры.
Где значок родословный соколий,
там тамга людоедов бродячих…
Что ж, Россия осиновых кольев
новое производство не прячет.
Не смогли погребальные урны
лучше доброго славиться худом.
Через мох клеветы штукатурной
смотрят лики прекрасного люда.

* * *

Зачем эти песни сильнее меня?
Отрава! Народный Праздник.
Искренний ветер, стеная, звеня,
радостью горькой дразнит.
И где-то есть правило – не умирать,
питаясь великой вестью;
в мире сем глухонемая печать
лжёт о краях небесных.
И только земли нищетою дышу,
взволнован горчичною точкой
духа родного, чей сладостный шум
о Родине родин пророчит.

ЗВЕРЬ

Стол, кровать и дверь
да углов квартет.
Словно битый зверь,
в клетке много лет
каждый новый день,
каждый долгий час,
ненавижу тень,
что пустилась в пляс.
Солнце полный круг
завершит и спать.
Я, мой милый друг,
не усну опять.

Алёна МАЛИНОВСКИХ — Я подарю себе новое имя

Тень исчезнет. Вновь
утром я начну,
как ни прекословь,
нашу с ней Войну.

Я, как битый зверь,
В этой клетке мру.
Не открыть мне дверь,
не сломать игру.

В КОНЦЕ ДНЯ

Сегодня день разорванных улыбок,
тумана, наспех шитого лучами,
усталых, бледных и голодных чаек,
что жадно ищут полумёртвых рыбок.

Рассвет контрастен был,
почти озлоблен.
Закат горит,
в кострище запад плавя.
Весь город отражает это пламя,
хоть проводами
на куски раздроблен.

Под вечер темнота упала гнётом,
остатки жизни придавив надменно.
Клубок змеиный тёмных улиц мерно
шипит, разыгрывая ночь по нотам.

НОВОЕ ИМЯ

За тёмными окнами будней унынье,
а в кружке на кухне опять стынет чай.
Разбить на кусочки
звонящий мобильный –
так хочется просто сидеть и молчать.

Расставить по полкам
события, сюжеты,
размазать остатки ненужных обид.
Потом написать отрешённо об этом –
бумага всё стерпит и всё сохранит.

Быть может, между словами глухими,
застывшими льдинками на языке,
я подарю себе новое имя,
мелькнувшее бликом
в случайной строке.

ПАУК

Паук сорвался с серебристой нити
и звучно врезался в стекло воды.
За столь обычной схемою событий,
казалось бы, мне стоит ждать беды.

Он сильно бился
в тонкой водной глади,
а я смотрела, пальцы теребя…
И в этом маленьком живучем "гаде"
внезапно я увидела себя.

* * *

Под звуки городского шума
меня съедает синее пальто.
Замёрзли руки, не согрел никто,
в карманы их кладу бездумно.

Порывы ветра отбирают шарф.
На светофоре возле перекрёстка
в поток толпы
вливаешься неброско,
разглядывая призрачный ландшафт.

Оттенки серого гоняют фонари.
Осенний сумрак, как побитый пёс,
суёт за пазуху свой мокрый нос,
навязчив слишком, что ни говори.

Все мысли вьются около тепла
с горячим чаем в комнате пустой.
Но в центре города слилась с толпой
Среди людей, которым нет числа.

* * *

В подсвеченных окнах
чьи-то жизни идут по кругу.
А я шуршу страницей
с ненужным текстом,
и в этом городе
порой становится слишком тесно.
Настолько,
что чуешь на горле чужую руку.

ГАЗЕТЫ ПИШУТ

Газеты пишут, что подняли цены.
Сегодня жизнь становится дороже,
но в целом это
не должно тревожить –
вот-вот грядут крутые перемены.

Газеты пишут, что в стране порядок
и средний класс становится богаче:
у каждого машина, домик дачный,
и дым отечества стал снова сладок.

Газеты пишут, что живём спокойно,
по вечерам играем тихо в нарды,
доносится из окон голос барда.
И в общем
всё идёт вполне пристойно.

И, раз за разом подводя итоги,
на все вопросы отвечают кратко –
По их словам,
у нас в стране всё гладко.
Газеты пишут наши некрологи...

* * *

Дела. Сюжеты.
Фразы. Будни. Сказки.
Забыть бы напрочь! Ночью города
дрейфуют в темноте. И их вражда
с холодным ветром обретает краски.

Ссутулившись, в пальто и босиком
вхожу на линию сквозного фронта
и медленно бреду до горизонта,
из дома ночью ускользнув тайком.

Я в эпицентре призрачной войны.
Бродягой-ветром вылизаны щёки.
Ночные окна, как кровоподтёки,
на тёмной коже города видны.

Дела. Сюжеты.
Фразы. Будни. Сказки.
Всё мимоходом растерялось вдруг,
Но возвращаюсь
в свой порочный круг.
Рассветный город обретает краски.

ПТИЦЫ

А разве важно, как умирают птицы...
В небе или в измученных строчках.
Взлетают, но сильно бьются о точки,
и перья теряют
закладкой в страницах.
А каждое слово сочится сквозь кожу,
наружу течёт оно, рёбра ломая.
В словах захлебнулась
смиренная стая.
Их пение
нас больше не потревожит...
А разве важно, как умирают птицы.